

был с ним на «ты». Столыпин не курил, очень редко употреблял спиртное. Женился рано на дочери Б. А. Нейгардта, почетного опекуна Московского присутствия Опекунского совета учреждений императрицы Марии. Нейгардты сыграли огромную роль в становлении политической карьеры Столыпина.

В 1888 г. имя Столыпина впервые попало в «Адрес-календарь», с чином коллежского секретаря и должностью помощника столоначальника министерства государственных имуществ. В 1889 г. он перешел работать в Министерство внутренних дел, затем стал ковенским уездным предводителем дворянства в Ковенской губернии в Литве. Отметим, что в тот период здесь не было хуторов, крестьяне жили в деревнях, земли были разбиты на чересполосные участки, земельных переделов не было. Столыпин в эти годы стал практичным помещиком, расстался с мечтой о служебной карьере. Имел несколько имений, сохранил как помещик в Нижегородской, Казанской, Пензенской, а в Саратовской продал. Еще в одно имение, в Ковенской губернии, на границе с Германией, можно было добраться, двигаясь по обустроенным дорогам Пруссии. Именно в этих поездках Столыпин и познакомился с образцовыми немецкими имениями — хуторами. О них он очень много рассказывал своим близким и знакомым.

В 1899 г. в судьбе Столыпина происходит крутой поворот. Его авторитет как помещика, а помещичью деятельность он считал как дело «важное и нужное», позволил ему стать ковенским губернским предводителем дворянства, а в 1902 г. его неожиданно назначают гродненским губернатором. Назначением он был обязан министру внутренних дел В. К. Плеве, который взял курс на выдвижение на посты губернаторов местных землевладельцев. Именно здесь Столыпин впервые изложил свои взгляды на уничтожение крестьянской чересполосицы и на расселение крестьян на хутора. Его позиция действительно была реформаторской. Он утверждал: «...Ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы, рассчитывать, что при подъеме умственного развития населения, которое настанет неизвестно когда, жгучие вопросы разрешаться сами собой, — это значит отложить на неопределенное время проведение тех мероприятий, без которых немыслима ни культура, ни подъем доходности земли, ни спокойное владение земельной собственностью».

Какой урок мы, ныне живущие, можем сделать из ясной и открытой позиции Столыпина? Он очевиден. Политики, держащие в руках рычаги власти, должны понимать, что они преобразующая сила общества, что кроме устремлений народа, которые формируются медленно и сдерживаются неразвитостью существующих экономических и духовно-культурных отношений, должна быть ясная политическая линия и неукротимая политическая воля. Именно этой-то политической воли не было у Витте и еще с ним. Говорить, призывать это одно, а проявить железную политическую волю — это совершенно другое, это уже удел политической деятельности, к которой и был приготовлен Столыпин.

Советская историография спекулировала на этой позиции Столыпина, мол он считал, что народ темен, а значит государство должно улучшать его быт. Тезис большевистских историографов вульгарен и поверхностен. Наоборот, Столыпин верил в ум и талантливость русского народа, но, при этом хорошо понимал, что только политики, государство могут направить всю мощь реформ на решительное преобразование действительности. В этом весь Столыпин. По сути, образно говоря, он понимал, что всякое течение реки заболачивается, родники засоряются, и задача государства на каждом из этапов с учетом новых условий расчищать завалы и запруды, вскрывать болота и удалять замулинность, очищать сердце родников, давать народу испить свежую воду перемен и направить его энергию для обеспечения быстрого развития.